

АЙЗЕК
АЗИМОВ

КАМЕШЕК
В НЕБЕ

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ИМПЕРИЯ

Галактическая империя

Айзек АЗИМОВ

Камешек в небе

«ЭКСМО»

1950

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Азимов А.

Камешек в небе / А. Азимов — «Эксмо», 1950 — (Галактическая империя)

Из 1949 года Джозеф Шварц попадает в мир далёкого будущего – периода расцвета Галактической Империи. В результате древних термоядерных войн поверхность Земли стала радиоактивной и непригодной для жизни. В то же время люди расселились по всей Галактике и забыли о своей колыбели. Земля всего лишь камешек в небе. Ныне всё человечество живёт под управлением планеты Трантор, контролирующей двести миллионов звезд. Но на Земле ещё живы националистические настроения, некоторые земляне хотят вернуть себе власть предков. Одна из реваншистских группировок готовит оружие, способное опустошить всю Галактику. Шварц по велению судьбы оказывается в самом центре заговора...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Азимов А., 1950

© Эксмо, 1950

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Айзек Азимов

Камешек в небе

Isaac Asimov
THE PEBBLE IN THE SKY

Copyright © 1950, renewed 1978 by the Estate of Isaac Asimov

© И. Ткач, Г. Л. Олди, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Глава 1

Между двумя шагами

За две минуты до своего внезапного исчезновения Джозеф Шварц прогуливался по приятным ему улицам пригородного Чикаго, цитируя про себя Браунинга.

В некотором смысле это было странно, поскольку Шварц едва ли производил впечатление человека, увлекающегося поэзией. Он выглядел именно тем, кем был: портной на пенсии, которому серьезно не хватало того, что сегодняшние умники называют «общим образованием». Благодаря своему стремлению к знаниям он много читал. И хотя его чтение носило бессистемный характер, Шварц знал много «отовсюду понемножку»: память у него была великолепная.

Например, Браунинга он в молодости читал дважды и, конечно же, помнил прекрасно. Большая часть была ему непонятна, но эти три строчки стали особенно дороги в последние годы. И он вновь повторил их про себя в этот яркий солнечный день 1949 года:

Со мною к радости иди!
Все лучшее ждет впереди,
Жизни конец, если ты упустил начало...

Теперь Шварц полностью ощущал их смысл. После юношеской борьбы за жизнь в Европе и позднее, в Соединенных Штатах, безмятежная обеспеченная старость была особенно приятной. У него были хорошая жена, две удачно вышедшие замуж дочери и внук – для утехи в эти последние лучшие годы. О чем еще можно было беспокоиться?

Правда, существовали еще атомные бомбы и все эти разговоры о третьей мировой войне, но Шварц верил в лучшие черты людей и в то, что они не допустят еще одной войны и того, чтобы Земля когда-либо увидела ад разъяренного атома. Поэтому он снисходительно улыбался детям, мимо которых проходил, и мысленно желал им быстрого и не слишком трудного пути через юность к тому лучшему, что впереди.

Он поднял ногу, чтобы переступить через куклу, лежащую посреди тротуара. Спокойно опустить эту ногу ему было не дано...

В другой части Чикаго находился институт ядерной физики, и работавшие в нем люди также имели свои теории относительно моральных качеств человека, но понимали и то, что инструмент для измерения этих качеств до сих пор не создан. Размышления на эту тему зачастую ограничивались упованием на некие высшие силы, которые помогут предотвратить попытки людей превратить изобретения человечества в смертоносное оружие.

Удивительно, что человек, проявляя необузданное любопытство в исследовании атома, способного погубить в считанные секунды половину человечества, обладает столь же удивительной способностью рисковать собственной жизнью ради спасения другого человека.

Как-то доктор Смит, проходя мимо полуоткрытой двери одной из лабораторий, вдруг заметил в ней странное голубое свечение. Химик, бодрый молодой человек, насвистывая, наклонял мензурку, почти до краев наполненную жидкостью, в которой медленно оседал, постепенно растворяясь, белый порошок. Собственно, почти ничего не происходило, но Смит инстинктивно почувствовал тревогу.

Вбежав в комнату, он схватил линейку и сбросил ею на пол стоявший на печи тигель. Послышалось шипение расплавленного металла. Смит почувствовал, как на лице у него выступили капли пота.

Химик ошеломленно уставился на бетонный пол, на котором уже застыли брызги серебристого металла.

– Что случилось? – с трудом выговорил он.

Смит пожал плечами. Он сам еще ничего не понимал.

– Не знаю. Скажите... Чем вы занимались?

– Ничем, – пробормотал химик. – Это всего лишь необработанный уран. Я производил электролиз меди... Понятия не имею, что могло случиться.

– И все же что-то случилось, молодой человек, я видел свечение вокруг этого тигля. А это значит, возникла жесткая радиация. Так, говорите, уран?

– Да, но необработанный уран, это ведь безопасно. Я имею в виду, что чистота – один из наиболее важных критериев расщепления, не правда ли? Вы думаете, произошло расщепление? Это же не плутоний, и его не облучали.

– К тому же, – задумчиво сказал Смит, – масса была ниже критической. Или по крайней мере ниже той критической массы, которую мы знаем. Мы не столь хорошо знаем атом, чтобы быть в нем уверенными. Когда металл остынет, я бы советовал вам собрать его и тщательно изучить.

Он задумчиво оглянулся вокруг, затем подошел к противоположной стене и остановился у точки на уровне плеча.

– Что это? – обратился он к химику. – Это всегда здесь было?

– Что именно? – Молодой человек быстро подошел и взглянул на указанную Смитом точку. Тонкое отверстие, которое могло быть проделано гвоздем, было сквозным.

Химик покачал головой.

– Раньше я этого не видел, правда, я особо и не приглядывался.

Смит молчал. Он отошел назад и приблизился к термостату – прямоугольной коробочке с тонкими металлическими стенками.

– Ну а это что такое?! – Смит мягко коснулся пальцем стенки термостата. В металле тоже было маленькое аккуратное отверстие.

Глаза химика расширились.

– Раньше этого точно не было.

– Хм. А с вашей стороны есть отверстие?

– Черт побери! Да!

– Хорошо. А теперь взгляните в отверстие.

Он приложил палец к дырке в стене.

– Что вы видите?

– Ваш палец. Вы отметили им отверстие?

Смит говорил спокойно, но видно было, что это давалось ему с трудом.

– Посмотрите в противоположном направлении... Что вы видите теперь?

– Ничего.

– Но это место, где стоял тигель с ураном? Вы смотрите прямо на него, не так ли?

– Я думаю, да, – неуверенно сказал химик.

Быстро взглянув на именную табличку на все еще открытой двери, Смит тихо сказал:

– Все это должно оставаться в строжайшем секрете, мистер Дженингс. Вы меня понимаете?

– Конечно.

– Тогда выйдем отсюда. Лабораторию необходимо проверить на радиацию, а нам придется обратиться к врачу.

– Вы думаете, возможно облучение? – Химик побледнел.

– Увидим.

Однако серьезных следов облучения ни у одного из них не нашли. Кровяные тельца были в норме, ничего не показало и исследование корней волос.

Никто в институте так и не смог объяснить, почему тигель с ураном при массе гораздо ниже критической, не подвергавшийся бомбардировке нейронами, неожиданно стал источником жесткой радиации.

В составленном отчете доктор Смит не сообщил всей правды. Он не упомянул об отверстиях в лаборатории и о том, что ближайшее к тиглю отверстие было едва заметно, следующее, на другой стороне термостата, было чуть больше, отверстие же в стене, удаленное на расстояние в три раза большее, имело диаметр крупного гвоздя.

Луч, движущийся по прямой линии, может пройти несколько миль, прежде чем кривизна Земли сделает невозможным его дальнейшее движение, а значит, и разрушение, и достигнет к тому времени десяти футов в диаметре, после чего направится в космос, расширяясь и слабей.

Никогда и ни с кем он не делился этой мыслью.

Никому не рассказывал он и о том, как на следующий день просматривал утренние газеты, поставив перед собой весьма определенную цель.

В гигантской метрополии каждый день исчезает столько людей, но никто еще не приходил в полицию с рассказом об исчезновении человека, причем прямо на виду у всех.

И доктор Смит постарался об этом больше не думать...

Для Джозефа Шварца это произошло прежде, чем он успел шагнуть. Подняв правую ногу, чтобы переступить через куклу, он на мгновение почувствовал головокружение – как будто на долю секунды вихрь поднял и перевернул его. Когда он наконец опустил ногу, дыхание у него перехватило, он ощутил неожиданную слабость в коленях и стал медленно опускаться на траву.

Долгое время он не решался открыть глаза, но наконец заставил себя сделать это.

Это была правда! Он сидел на траве, хотя ясно помнил, что шел по асфальту.

Дома исчезли! Белые дома, каждый со своим садом, стоявшие здесь один за другим, все исчезли!

И сидел он на газоне, трава была буйной, неподстриженной, вокруг стояли деревья, множество деревьев и еще больше на горизонте.

Когда шок прошел, он заметил, что листья на деревьях желтые и опадают, словно наступила осень.

Осень! Когда он поднял ногу, стоял июльский день и все вокруг было зелено.

Подумав об этом, он автоматически посмотрел на свои ноги и вскрикнул от испуга... Маленькая кукла, через которую он переступил, – маленький фрагмент реальности... Она была здесь!

Дрожащими руками он перевернул куклу и увидел, что перед ним – лишь ее часть. Кукла была не сломана, а скорее разрезана. А как ровно был срезан носок ее туфли! Ни один нож не дал бы такого ровного среза!

Единственным утешением в этом сумасшедшем мире остался его собственный голос, и Шварц заговорил сам с собою.

– Во-первых, я в своем уме. Я ощущаю себя так же, как всегда... Конечно, возможно, что если бы я сошел с ума, то не заметил бы этого...

Он почувствовал панику.

– Что же со мной? Должно быть какое-то другое объяснение. Может быть, сон? Как определить, сплю я или нет?

Он ущипнул себя и почувствовал боль, но тут же покачал головой.

– То, что я чувствую боль, могло мне и присниться. Это не доказательство.

Он с отчаянием оглянулся вокруг. Может ли сон быть столь отчетливым, столь реальным? Где-то он читал, что сон длится не более пяти секунд, а кажущаяся его продолжительность – всего лишь иллюзия.

Слабое утешение. Он взглянул на часы. Секундная стрелка без устали двигалась по кругу. Если это сон, то пять секунд тянутся безумно долго.

Он оторвал взгляд от часов и вытер выступивший на лбу холодный пот.

– Может быть, амнезия?

Никто не ответил на этот вопрос. Шварц закрыл лицо руками. Что, если он поднял ногу, и в это время его сознание соскользнуло куда-то... Что, если три месяца спустя, осенью, или год и три месяца спустя, или десять лет и три месяца спустя, он опустил ногу здесь, и в это время его сознание вернулось... Но тогда где он был и что делал все это время?

– Нет! – У него вырвался громкий крик. – Этого не может быть! – Шварц посмотрел на свою рубашку. Ведь именно ее он надел сегодня утром. А маленькая кукла, откуда взялась она?

Он почувствовал, что теряет контроль над собой, и решил, что это должен быть сон, или он действительно сошел с ума.

Неожиданно Шварц заметил, что изменилось и время дня. Приближался вечер, по крайней мере на это указывали удлинившиеся тени. Он вдруг остро почувствовал свое одиночество. Шварц встал. Конечно же, нужно найти людей, любых людей. А для этого лучше всего выйти на дорогу. И он отправился в ту сторону, где деревья росли более редко.

В воздухе уже ощущалась вечерняя прохлада, и начинало темнеть, когда он вышел к прямой и безликой полосе бетона и направился вдоль нее, с радостью ощущая под ногами твердое покрытие.

Однако дорога была пуста, и он вновь ощутил страх. Он надеялся встретить машину. Что может быть легче, чем остановить ее и сказать:

«Вы едете не в Чикаго?» – И он произнес это вслух.

А что, если он далеко от Чикаго? Что же, тогда любой город, любое место, где есть телефон. У него в кармане всего пять долларов и двадцать семь центов, но ведь существует полиция...

Он продолжал идти посередине дороги, время от времени оглядываясь назад, не обращая внимания на то, что солнце скрылось за горизонтом и на небе появились звезды.

Стало уже совсем темно, а ни машин, ни домов не было.

Джозеф испугался повторного головокружения, когда увидел, что горизонт слева светится. Холодное голубое сияние было отчетливо видно сквозь просветы между деревьями. И это было не зарево лесного пожара – а легкая мерцающая голубизна. И тут он заметил, что так же светится и бетон у него под ногами. Шварц наклонился и дотронулся до него рукой – обыкновенный бетон. И все же глаза улавливали едва заметное сияние.

Шварц с трудом сохранял самообладание. Он был голоден и действительно напуган, когда вдруг справа увидел свет.

Без сомнения, это был дом! Он закричал, но голос его одиноко замер в пустоте. Да, это был дом, проблеск реальности, излучающий свет сквозь ужасную пустоту. Он свернул с дороги и через заросли, между деревьями, через ручей направился на свет.

Странная вещь! Даже ручей слегка фосфоресцировал. Однако Шварц отметил это лишь краем сознания.

И вот он уже возле дома, руками касается белых его стен, про себя отмечая, что он сделан не из кирпича, камня или дерева, а как будто из фосфора. Но Шварц не придавал этому особого значения – он искал дверь. Когда он наткнулся на нее и увидел, что звонка нет, то забарабанил по ней и закричал, как демон. Услышав звуки шагов внутри, он благословил очарование человеческого голоса.

– Откройте! – закричал он вновь.

Послышался слабый звук, и дверь открылась.

В глазах вышедшей женщины был заметен испуг. Она была высока и худощава, а чуть поодаль стоял такой же худощавый мужчина в рабочей одежде... Нет, не в рабочей одежде.

Собственно говоря, ничего подобного Шварц никогда прежде не видел, но что-то неопределенное говорило, что эта одежда предназначена для работы.

Однако Шварцу было не до размышлений. Для него эти люди и их одежда были прекрасны, прекрасны так, как только может быть прекрасен вид друга для одинокого человека.

Женщина заговорила. Голос ее звучал мягко, но властно. Шварц схватился за дверь, чтобы устоять на ногах.

Он никогда не слышал языка, на котором говорила эта женщина...

Глава 2

Как использовать пришельца

В тот вечер Ло Марен и ее флегматичный супруг играли в карты, как вдруг ее отец, сидящий в инвалидной коляске, раздраженно отложил свою газету и позвал:

– Арбин!

Арбин Марен ответил не сразу. Он осторожно перебирал карты, обдумывая следующий ход, и, приняв решение, рассеянно отозвался:

– Что вам, Гро?

Седой Гро раздраженно взглянул на зятя и принялся шелестеть газетой. Его успокаивал этот звук. Когда человек еще полон сил, но прикован к инвалидному креслу, ему хочется чем-нибудь выразить свое отношение к происходящему. Гро пользовался своей газетой. Он шелестел ею, жестикулировал, бросал при необходимости.

Гро знал, что на других планетах есть устройства, выпускающие микрофильмы, которые содержат все последние известия. Он подобных вещей не признавал и по-прежнему отдавал предпочтение газете.

– Ты читал об археологической экспедиции, которую они посылают на Землю? – спросил Гро.

– Нет, – спокойно ответил Арбин.

Гро знал, что получит такой ответ, так как, кроме него, газету еще никто не читал, а от видеоэкрана семья в прошлом году отказалась. Однако он привык начинать разговор подобными вопросами.

– Так вот, они ее отправили, – сказал он. – И к тому же на государственные средства. Как тебе это нравится?

Он прочитал вслух:

«Бел Авардан, Глава исследовательского отдела Археологического института, в интервью с надеждой отозвался об ожидаемых ценных результатах археологических исследований, которые будут проведены на планете Земля, расположенной на границе сектора Сириуса (см. карту). «Земля, – сказал он, – с ее архаичной цивилизацией и уникальной природой представляет образец необычной культуры, на которую ученые долго не обращали внимания. У меня есть все основания уже в ближайшее время ожидать революционных перемен в некоторых из основных концепций социальной эволюции и истории человечества». И так далее, – с усмешкой проговорил Гро.

Арбин Марен, слушавший все это краем уха, пробормотал:

– Что он подразумевает под «необычной культурой»?

Ло Марен, не слушавшая совсем, просто сказала:

– Твой ход, Арбин.

– Ну а тебе не кажется странным, что «Трибуна» напечатала все это? – продолжал Гро. – Ты же знаешь, что они не перепечатают сообщение галактической прессы и за миллион имперских кредитов без особой на то причины.

Не дождавшись ответа, он добавил:

– Потому что они могут сделать из этого передовую статью. Этот парень собирается сюда, и они вылезут из шкуры, чтобы не допустить этого. Ты только посмотри! Взгляни! Почему бы тебе не прочитать это?

Ло Марен отложила карты и плотно сжала свои тонкие губы.

– Отец, – проговорила она. – У нас был трудный день. Давай отложим политику на потом. Пожалуйста.

– «Пожалуйста! Пожалуйста!» – нахмурившись, передразнил ее Гро. – Вы, я вижу, очень устали от старика, раз уже даже не хотите ответить мне. Я все понимаю: сидит здесь в углу и заставляет вас, двоих, работать за троих... Но в чем моя вина? У меня есть силы. Я хочу работать. Вы же знаете, что мои ноги можно было бы вылечить. Но я не могу лечиться, потому что слишком стар и затраты на мое лечение не окупятся. Разве это не «странная культура»? Как еще можно назвать мир, где работоспособному человеку не дают работать? Я думаю...

Он взмахнул руками, и лицо его покраснело от ярости.

Арбин встал и положил руку на плечо старика.

– Стоит ли так переживать, Гро, – сказал он. – Я сейчас прочитаю эту статью.

– Ладно, зачем это нужно, ты ведь все равно согласишься с ними. Все вы, молодые, просто воск в руках Старейших.

– Хватит, папа. Не будем начинать этот спор, – резко сказала Ло.

Арбин не любил, когда упоминали Совет Старейших. Говорить так, как Гро, высмеивать древнейшую культуру Земли было просто опасно.

Конечно, когда Гро был молод, много говорили об отказе от старых путей, но тогда были другие времена. Гро, по-видимому, понимал это, но трудно требовать рассудительности от человека, прикованного к инвалидному креслу, для которого не остается ничего другого, как считать дни до следующей Проверки.

Гро почувствовал себя обиженным и замолчал, а вскоре уснул, так и не успев прокомментировать спортивные события. Газета, прошелестев, выскользнула из его рук.

– Может быть, мы слишком грубы с ним, – озабоченно прошептала Ло. – Ведь ему нелегко. Такое существование все равно что смерть, по сравнению с тем, каким он был раньше.

– Ничего нельзя приравнять к смерти, Ло. У него есть газеты и книги. Чуть-чуть волнения только придает ему бодрости. Сейчас он спокоен и счастлив.

Арбин вновь взялся за карты, и в это время за дверью раздался дикий нечеловеческий крик.

Арбин замер. Ло со страхом взглянула на мужа.

– Вывези отсюда Гро. Быстро! – скомандовал Арбин. Ло взялась за кресло. Губы ее беззвучно шевелились. Как только кресло двинулось, Гро мгновенно проснулся. Он выпрямился и автоматически потянулся за газетой.

– В чем дело? – раздраженно спросил он.

– Тсс. Все в порядке, – неуверенно пробормотала Ло, увозя кресло в соседнюю комнату. Закрыв дверь, она вопросительно посмотрела на мужа. Снова раздался стук в дверь.

Открыв дверь, они стали рядом, враждебно глядя на низкого полного мужчину, на лице которого скользила неуверенная улыбка.

– Чем мы можем вам помочь? – проговорила Ло с официальной вежливостью и отшатнулась назад, когда мужчина покачнулся и схватился за дверь, чтобы устоять на ногах.

– Он что, болен? – изумленно спросил Арбин. – Помоги мне внести его в дом.

Прошло несколько часов. В тишине спальни Ло и Арбин медленно готовились ко сну.

– Арбин, – проговорила Ло, – а это не опасно?

– Что?

– То, что мы взяли в дом этого человека. Кто он такой?

– Откуда я знаю, – раздраженно ответил он. – Но в конце концов, не можем же мы отказать в крове больному человеку. Если мы не узнаем, кто он такой, то завтра сообщим в региональную службу безопасности, и на этом все закончится.

Он отвернулся, явно не желая продолжать разговор. Однако Ло вновь прервала молчание. Ее тонкий голос звучал еще настойчивее:

– А ты думаешь, он может служить Совету Старейших? Ты же знаешь, как обстоит дело с Гро.

– Ты имеешь в виду его сегодняшние слова? Это абсолютно нереально. Не о чем и говорить.

– Я говорю о другом, и ты знаешь это. Я имею в виду, что мы уже два года нелегально содержим Гро и тем самым нарушаем один из основных законов.

– Мы не навредили никому, – пробормотал Арбин. – Ведь мы вносим свою долю, рассчитанную на трех работоспособных. И как они могли что-то заподозрить? Мы ведь не разрешали ему покидать дом.

– Они могли узнать про инвалидное кресло. Ты покупал мотор и приспособления.

– Не будем снова начинать этот разговор, Ло. Я много раз объяснял, что купил всего лишь стандартный кухонный набор. Кроме того, вообще глупо подозревать, что он – агент Братства. Думаешь, они стали бы проделывать такой трюк из-за какого-то старика в инвалидном кресле? Что, они не могут прийти днем с официальным ордером на обыск? Подумай сама.

– Хорошо, но тогда, – ее глаза неожиданно загорелись, – если ты действительно так думаешь, а я надеюсь, что это правда, он, наверное, чужак. Он не похож на землянина.

– Не может быть! Что ты хочешь этим сказать? Это же просто нелепо! С какой стати кто-то из Империи явится на Землю, именно сюда, к нам?

– Откуда я знаю? Хотя, возможно, это – какой-нибудь преступник.

Эта мысль немедленно увлекла ее.

– Почему бы и нет. Вполне логично. Земля – довольно подходящее место для укрытия. Кто догадается искать его здесь?

– Если только он – чужак. Какие у тебя доказательства?

– Он не знает языка, не так ли? Ты сам убедился в этом. Значит, он явно прибыл с какой-то окраины Галактики, где говорят на каком-то странном диалекте. Я слышала, что жителям Фомальгаута приходится практически заново учить язык, чтобы быть понятыми в имперсуде на Транторе... Понимаешь, что все это может значить? Если он не землянин, то не зарегистрирован в Департаменте Контроля и будет рад избежать этого. Мы сможем использовать его вместо отца на ферме, и нас опять будет трое, чтобы выполнять в следующем сезоне работу для троих... Даже сейчас он сможет помочь убрать урожай.

Она вопросительно посмотрела на лицо мужа, выражавшее нерешительность.

– Давай спать, Ло, – сказал он после долгого раздумья. – Обсудим это завтра.

На следующее утро пришла очередь Гро высказать свое мнение. Арбин, который полагался на тестя больше, чем на самого себя, с надеждой изложил ему суть дела.

– Твои трудности, Арбин, – сказал Гро, – явно происходят из-за того, что я зарегистрирован как работоспособный, так что вы должны вносить долю за троих. Я не хочу доставлять вам неприятности. Уже второй год я живу сверх положенного. Хватит.

Арбин смутился:

– Я говорю совсем не об этом. Я и не думаю намекать, что вы нам в тягость.

– Хорошо, но какая разница в конце концов? Через два года будет Проверка, и мне все равно придется уйти.

– По крайней мере, у вас будет два года для книг и отдыха. Зачем вам отказываться от этого?

– Потому что есть еще и Ло. Когда они придут за мною, они заберут и вас. Что я буду за человек, если проживу несколько паршивых лет ценою...

– Перестаньте, Гро. Не нужно драматизма. Мы же много раз говорили вам, что сделаем. Мы сообщим о вас за неделю до Проверки.

– И обманете врача?

– Мы его подкупим.

– Хм... а этот пришелец, он же удвоит вашу вину. Вы будете отвечать и за то, что прятали его.

– Он уйдет. Черт побери, стоит ли сейчас думать о нем?! У нас еще два года. Но что делать с ним теперь?

– Пришелец, – задумчиво произнес Гро. – Пришел и постучал в дверь. Пришел ниоткуда. Разговаривает на непонятном языке... Не знаю, что и посоветовать.

– Он не агрессивен и, кажется, до смерти напуган, – сказал Арбин. – Он не может причинить нам зла.

– Напуган, говоришь? А что, если он помешанный? Что, если его слова – не чужой диалект, а просто лепет безумца?

– Вряд ли. – Однако Арбин был явно обеспокоен.

– Ты уверяешь себя в этом, потому что можешь использовать его. Хорошо, я скажу тебе, что делать. Отвези его в город.

– В Чику? – ужаснулся Арбин. – Зачем?

Гро спокойно сказал:

– Твоя беда в том, что ты не читаешь газет. К счастью для семьи, этим занимаюсь я. Так вот, в Институте атомной физики изобрели прибор для облегчения обучения людей. Об этом была большая статья в воскресном приложении. И им нужны добровольцы. Отвези этого человека. Пусть он будет добровольцем.

Арбин упрямо покачал головой.

– Вы сошли с ума. Я не могу сделать этого. Они в первую очередь спросят регистрационный номер. Начнется расследование, и они узнают все о вас.

– Нет, это им не удастся. Дело в том, что ты абсолютно не прав, Арбин. Институту нужны добровольцы потому, что аппарат еще не испытан. У них, видимо, уже погибло несколько человек, так что, я уверен, они не будут задавать вопросы. А если пришелец погибнет, он будет, по-видимому, не в худшем положении, чем сейчас. А теперь дай мне книжный проектор. И принеси заодно газету, хорошо?

Когда Шварц открыл глаза, была уже вторая половина дня. Он почувствовал тупую, заставляющую замирать сердце боль, которая возникала сама по себе, боль из-за того, что он не видит больше жены, а знакомый ему мир утерян...

Он встрепнулся, когда над дверью загорелся свет и послышался голос, явно принадлежащий хозяину дома, видимо, фермеру. Затем дверь открылась и ему подали завтрак: неизвестную ему мучнистую кашу, напоминавшую кукурузную, и молоко.

Он сказал «спасибо» и энергично кивнул головой.

Фермер что-то ответил и взял в руки висевшую на спинке стула рубашку Шварца. Он внимательно осмотрел ее со всех сторон, особое внимание уделяя пуговицам.

Затем, повесив ее на место, он отодвинул скользящую дверь ванной, и тут Шварц впервые обратил внимание на мягкий молочно-белый цвет стен.

– Пластик, – тихо пробормотал он, используя это всеобъемлющее слово с уверенностью, типичной для профана. Он заметил также, что в комнате не было ни стыков, ни углов, все ее плоскости плавно переходили одна в другую. Тем временем его хозяин делал знаки, смысл которых был ясен: Шварца просили умыться и одеться.

Сопровождаемый одобрительными жестами, он направился в ванную. Единственным неудобством было отсутствие прибора для бритья, однако на все знаки Шварца в ответ было лишь невнятное бурчание. Шварц провел рукой по подбородку и слегка вздохнул.

Знаками же его пригласили занять место в небольшом автомобиле. Машина рванулась вперед, и через некоторое время впереди показались белые дома.

– Чикаго? – быстро проговорил Шварц, указывая на них, вкладывая в эти слова последнюю иррациональную надежду, потому что эти дома меньше всего напоминали город.

Ответа не было, и последняя надежда исчезла.

Глава 3

Один или множество миров?

Бел Авардан, все еще возбужденный после интервью, данного им прессе, ощущал в себе чувство дружелюбия ко всей сотне миллионов звездных систем, входящих во всеобъемлющую Галактическую Империю. Сейчас ему было безразлично, знают ли его в том или ином секторе. Если его теории относительно Земли будут доказаны, его имя будут повторять на всех обитаемых планетах Млечного Пути, на каждой планете, на которую ступила нога человека за тысячелетия его экспансии космоса.

Рано пришедшая к нему известность принесла и некоторые трудности. Ему было всего тридцать пять, и карьера его была полна противоречий. Она началась с потрясшего всех известия о получении им первой ученой степени в университете Арктура. Этот случай был беспрецедентным для человека в возрасте двадцати трех лет. Его диссертация, опубликованная в журнале археологического общества, вызвала что-то наподобие взрыва в научной среде. И это было впервые в истории университета.

Для человека, несведущего в археологии, причины, по которым небольшая статья, озаглавленная «О возрасте артефактов сектора Сириуса и рассмотрении возможной их связи с положениями гипотезы о родине человека», вызвала такой гнев, могли показаться загадочными. Дело в том, что Авардан брал в качестве исходной теорию некой группы мистиков, которых связывали скорее с метафизикой, чем с археологией, о том, что человечество зародилось на одной планете, а затем постепенно расселилось по Галактике. Теория, с энтузиазмом подхваченная писателями-фантастами, не принималась всерьез ни одним из авторитетных археологов Империи.

Однако Авардан стал силой, с которой приходилось считаться даже наиболее уважаемым из них. Всего за десять лет он заслужил авторитет специалиста по памятникам доимперской культуры, сохранившимся в различных уголках Империи.

Им, например, была написана монография о цивилизации сектора Ригеля, где благодаря успехам в развитии робототехники возникла самостоятельная культура, просуществовавшая несколько веков, пока совершенство механических рабов не уменьшило человеческую самостоятельность настолько, что флот Империи без труда одержал победу. Основой классической археологии было положение об одновременной эволюции людей на различных планетах, происходящей независимо друг от друга, как это было на Ригеле. Как доказательства приводились расовые различия людей, все еще не исчезнувшие окончательно, несмотря на долгое кровосмешение. Авардан эффективно противостоял этой концепции, доказывая, что культура Ригеля представляла собой лишь естественный продукт экономических и социальных условий того времени.

Существовали, кроме того, древние записи, в том числе слова Опихуса, которые сторонники классической теории использовали как образец свидетельств человека, цивилизация которого не знала еще межзвездных полетов. Всеми учебниками эти слова использовались как лучшее доказательство теории Мергера, что человечество представляет собой естественную вершину эволюции любого мира, а основой развития служат вода и кислород при определенных уровнях температуры и гравитации, и что возможны браки между представителями независимых видов человечества, которые и имеют место после начала межзвездных путешествий.

Авардан, однако, открыл следы цивилизаций, существовавших за тысячи лет до Опихуса, и доказал, что уже в самых ранних записях есть упоминание о межзвездных полетах. Последней его победой стало доказательство того, что человек появился в исследуемых районах, уже обладая высоким уровнем развития.

И вот теперь развитие этой теории привело Авардана на одну из наименее значительных планет Империи, планету по имени Земля.

Авардан прибыл в единственное место Земли, напоминавшее другие планеты Империи, высокогорное плато, затерявшееся среди пустынных вершин на севере Гималаев. Здесь, где никогда не было радиоактивности, высился дворец, архитектура которого явно говорила о его внеземном происхождении. Собственно, это была копия правительственных дворцов, существовавших в более удачных местах. Каменная поверхность плато была покрыта слоем чернозема, на котором, погруженные в искусственную атмосферу и климат, на пять квадратных миль вокруг раскинулись сады и цветники.

Стоимость всего этого по земным масштабам была немыслимо высока, но Империя не скупилась на субсидии. (По статистике, в 827 году галактической эры ежедневно в среднем пятьдесят новых планет получали статус провинции, так как численность их населения достигала миллиона.)

Во дворце жил Наместник Земли, которому в окружении искусственного комфорта иногда удавалось забыть, что он являлся наместником столь низкого мира. Но он всегда помнил, что является аристократом высокого звания и ветвью древнего рода.

Его жена менее поддавалась подобным иллюзиям, особенно когда с вершины покрытого травой холма видела перед собой линию, отделяющую их от дикой пустоты Земли.

Авардан был принят Наместником гораздо теплее, чем предусматривали официальные требования, потому что он принес с собой атмосферу величественной и безграничной Империи.

Авардан, в свою очередь, нашел много причин для восхищения.

– Это сделано прекрасно и со вкусом, – похвалил он жилище Наместника. – Удивительно, что влияние центральной культуры ощущается и в самых отдаленных частях Империи, господин Энус.

Энус улыбнулся.

– Боюсь, что здесь, на Земле, дворец Наместника гораздо приятнее посещать, чем в нем жить, – это всего лишь красивая оболочка, пустая внутри. Семья, служащие, имперский гарнизон и редкие посетители, такие, как вы, – вот и все, что есть у нас от центральной культуры.

Конечно, даже положение Наместника не позволяло проявлять любопытство относительно планов гостя, однако подобные ограничения теряли силу для человека, оторванного от Империи.

– Вы собираетесь пробыть здесь некоторое время, доктор Авардан? – спросил Энус.

– Трудно сказать. Я прибыл раньше остальной части экспедиции, чтобы ознакомиться с земной культурой и получить необходимые разрешения властей. Например, мне нужно ваше разрешение на посещение определенных мест Земли.

– О, конечно, конечно! Но когда вы начинаете раскопки? И что вы хотите найти в этой куче мусора?

– Если все будет в порядке, я надеюсь разбить лагерь через пару месяцев. А что касается этого мира, то он – что угодно, но не куча мусора. Он совершенно уникален во всей Галактике.

– Уникален? – резко проговорил Наместник. – Ничего подобного. Это самый обыкновенный мир. В большей или меньшей степени – это дыра, помойная яма, к нему подойдет любой эпитет подобного рода, и все же, несмотря на всю его тошнотворность, он не может быть назван уникальным даже по жестокости и остается обычным грубым аграрным миром.

– Однако, – сказал Авардан, несколько озадаченный энергией, с которой это было сказано, – этот мир радиоактивен.

– Ну и что? В Галактике тысячи радиоактивных планет, причем некоторые заражены в гораздо большей степени, чем Земля.

– Это правда, – согласился Авардан, – радиоактивных планет тысячи, но лишь одна из них обитаема. Эта.

– Хорошо, – Наместник неопределенно кивнул, – возможно, в этом смысле планета уникальна. Однако это незавидное отличие.

– Дело не только в статистической уникальности. Биологи утверждают, что на планете, где радиация превышает определенный уровень, жизнь зародиться не может. Радиоактивность Земли значительно выше этого предела.

– Интересно. Я этого не знал. По-моему, это действительно доказывает фундаментальное отличие земных организмов от всех остальных... Это должно заинтересовать вас, ведь вы с Сириуса.

Он иронически усмехнулся и продолжал доверительным тоном:

– Знаете, наибольшая трудность в управлении этой планетой состоит в том, чтобы справиться с антиземными настроениями в Империи, особенно сильными в секторе Сириуса, которые, кстати, вызывают у этих землян довольно интересную реакцию, аналогичную, конечно. Я не утверждаю, что антиземных настроений нет в других областях Галактики, но нигде они так не сильны, как на Сириусе.

– Я не могу согласиться с этим, – порывисто ответил Авардан. – Во мне, например, столько же терпимости, как и в любом другом человеке. Я верю в равенство людей, и земляне для меня не исключение. Живые организмы все одинаковы, все они основаны на веществе, которое мы называем протоплазмой, и все они могут быть облучены радиацией. Как вы и я.

– Но как же тогда могла развиваться жизнь на Земле?

– Видите, и вы начинаете удивляться. Однако ответ, по-моему, прост. Дело в том, что уровень радиоактивности на Земле все же недостаточен, чтобы уничтожить уже существующую жизнь.

– Не понимаю, к чему вы ведете, – сказал Энус.

– Разве это не очевидно? Жизнь на Земле зародилась до того, как планета стала радиоактивной.

Энус с удивлением посмотрел на него.

– Но ведь этого не может быть!

– Почему?

– Но как может планета стать радиоактивной? Продолжительность существования радиоактивных элементов составляет миллионы лет. По крайней мере, так меня учили еще в университете. Они должны были существовать еще в необозримом прошлом.

– Однако существует еще искусственная радиоактивность. Возможны тысячи ядерных реакций, в результате которых можно получить какие угодно радиоактивные изотопы. И можно предположить, что когда-то люди использовали некоторые из этих реакций в промышленности без надежного контроля или даже в военных целях. В результате атомной войны на одной планете большая часть верхнего слоя почвы могла стать радиоактивной. Что вы на это скажете?

– Мне все это непонятно, – ответил Энус. – Я, например, не могу представить, как можно использовать ядерные реакции в военных целях, или каким образом они могут выйти из-под контроля.

– Конечно, вы склонны недооценивать ядерные реакции, потому что живете сейчас, когда их контролируют столь просто. Но что, если кто-то, какая-то армия применяла это оружие до того, как была разработана защита? Это все равно что использовать зажигательные бомбы до того, как огонь догадались тушить водой или песком.

– Хм, – пробормотал Энус, – вы говорите, как Шект.

– Кто этот Шект? – Авардан удивленно взглянул на него.

– Землянин. Один из немногих землян, с которым может разговаривать культурный человек. Он физик и как-то говорил мне, что Земля не всегда была радиоактивной.

– А... Ну что же, ничего странного в этом нет, ведь теория придумана не мною. Это составная часть «Книги древних», содержащей основанную на преданиях историю доисторической Земли.

– «Книга древних»? – Энус, казалось, был удивлен и несколько расстроен. – Где вам удалось ее найти?

– В разных местах. Это было непросто, и мне удалось достать лишь отдельные ее части. Все эти предания, пусть даже лишенные научной основы, довольно важны для моего проекта... А почему вы спрашиваете?

– Потому что это – священная книга радикальной секты землян. Чужакам запрещается ее читать! Неземлян, или чужаков, как они нас называют, линчевали и за меньшее.

– По вашим словам можно подумать, что силы Империи здесь недостаточно для поддержания порядка.

– В случаях святотатства – да. Советую прислушаться к моим словам, доктор!

Прозвучал мелодичный звон колокольчика, гармонирующий с шорохом окружающих их деревьев. Энус встал.

– Кажется, время обедать. Приглашаю вас присоединиться ко мне и насладиться гостеприимством в той степени, в какой его может предоставить этот кусочек Империи на Земле.

После обеда окруженный гостями Авардан еще раз повторил им большую часть своей беседы с Энусом, не вызвав своим рассказом никакого сочувствия.

Румяный мужчина в форме полковника с явно выраженным снисхождением ученого к школяру обратился к нему:

– Если я правильно вас понял, доктор, вы пытаетесь доказать, что эти земные скоты представляют собой древнюю расу, которая, возможно, дала начало всему человечеству?

– Не могу утверждать наверняка, полковник, но, вероятно, именно так и есть. Надеюсь, что через год смогу ответить вам вполне определенно.

– Если вы найдете, что это действительно так, в чем я, доктор, сильно сомневаюсь, то бесконечно меня удивите. Я уже четыре года на Земле, так что опыт у меня немалый. И я знаю, что эти земляне – мошенники и негодяи, причем все подряд. Они ленивы, суеверны, скупы, у них нет и намек на благородство души. Покажите мне землянина, который хотя бы в чем-нибудь может сравниться с полноценным человеком, со мной или с вами, например, и только тогда я поверю, что он может представлять расу наших предков. Но до тех пор увольте меня, пожалуйста, от подобных предположений.

– Землянин хорош, когда он мертв, но и тогда он дурно пахнет, – неожиданно добавил полный мужчина, сидевший у стола.

Авардан нахмурился и, не глядя на него, ответил:

– Я не собираюсь спорить о расовых различиях, тем более что в данном случае это не имеет значения, ведь я говорю о доисторических землянах. Их сегодняшние потомки долго находились в изоляции в довольно необычной окружающей среде, и все же я не стал бы говорить о них столь категорично.

Он повернулся к Энусу.

– Сегодня вы упоминали одного землянина.

– Я? Не помню.

– Физик. Шект.

– А, да. Да.

– Случайно, не Афрет Шект?

– Да. Вы о нем слышали?

– Кажется, да. Я все время пытался вспомнить, и, кажется, мне это удалось. Он работает в Институте ядерной физики, в... Как же называется это место? В Чике?

– Да, это именно он. И что вы о нем слышали?

– Только то, что в «Физическом обозрении» была его статья. Я заметил ее потому, что просматривал все, относящееся к Земле, а статьи землян в галактической периодике довольно редки... Короче говоря, суть в том, что он изобрел нечто, названное им Синапсайфер, который должен улучшать умственные способности млекопитающих.

– Действительно? – несколько резко проговорил Энус. – Об этом я не слышал.

– Я могу найти для вас эту заметку. Это довольно интересная статья, хотя я, конечно, не претендую на понимание ее математического обоснования. Аппарат был испытан на каких-то земных животных, кажется, их называют крысами, которых затем учили находить правильный путь к пище через лабиринт. У контрольных обычных крыс на эту задачу уходило втрое больше времени. Вы понимаете, что все это значит, полковник?

– Нет, доктор, не понимаю, – безразлично ответил военный.

– Тогда я должен объяснить. Я твердо уверен, что любой ученый, способный проделать эту работу, пусть даже он землянин, ничуть не ниже меня по умственному развитию.

– Извините, доктор, – вмешался Энус. – Я хотел бы вернуться к Синапсайферу. Доктор Шект проводил эксперименты на людях?

– Вряд ли, – улыбнулся Авардан, – в экспериментах девять десятых крыс погибало. Вряд ли он решился экспериментировать с людьми до получения лучших результатов.

Нахмурившись, Энус откинулся в своем кресле и больше не отзывался.

Еще до наступления полуночи Наместник, предупредив жену, на личном глайдере отбыл в Чику в плохом расположении духа и с чувством гнетущего беспокойства.

Тем же вечером Арбин Марен привез Джозефа Шварца в Чику как добровольца для Синапсайфера Шекта. Сам Шект тем временем уже в течение часа разговаривал с Наместником Земли.

Глава 4

Великая дорога

Арбин чувствовал себя в Чике беспокойно, как человек, попавший в ловушку. Где-то здесь, в Чике, одном из самых больших городов Земли (в нем проживало около пятидесяти тысяч жителей), находилось представительство великой Империи.

Арбин никогда не видел людей, прилетевших с других планет, и все же здесь, в Чике, он то и дело оглядывался в страхе, что подобный случай может представиться. Вряд ли он смог бы объяснить и то, как он собирался отличить землянина от чужака, даже если бы тот и попался ему на глаза, однако всем своим существом он чувствовал, что какое-то отличие несомненно должно быть.

Входя в институт, он еще раз оглянулся. Его автомобиль был припаркован на свободном месте, с талоном, обеспечивающим шестичасовую стоянку. Сейчас Арбина пугало буквально все. Воздух, казалось, был полон глаз и ушей.

Только бы этот странный человек не выкинул чего-либо. Хотя он энергично кивнул в знак согласия, но понял ли он? И как он только дал Гро уговорить себя на это безумие? – мучил себя Арбин вопросами.

В это время дверь перед ним открылась, раздавшийся голос вывел его из задумчивости.

– Что вам нужно? – В голосе чувствовалось нетерпение, возможно, что этот вопрос ему пришлось повторить несколько раз.

– Мне нужен человек, с которым можно поговорить относительно Синапсайфера, – хрипло сказал Арбин.

Швейцар изучающе посмотрел на него и сказал:

– Распишитесь здесь.

Арбин убрал руки за спину и поспешно повторил:

– С кем я могу поговорить относительно Синапсайфера?

Гро называл ему имя, но оно вылетело у него из головы.

– Я не могу ничего для вас сделать, пока вы не распишетесь в книге посетителей, – сказал швейцар, в голосе которого слышались железные нотки. – Таковы правила.

Не говоря ни слова, Арбин повернулся и направился прочь. В это время в дверях появилась девушка в белом рабочем халате.

– Доброволец на Синапсайфер, мисс Шект, – обратился к ней швейцар. – Он не хочет называть своего имени.

– Это правда? – обратилась она к Арбину.

– Я хотел бы поговорить с вашим начальником, – сухо ответил он.

– Хорошо, – она, казалось, вовсе не была обескуражена его ответом. – Пойдемте.

С замирающим сердцем он последовал за ней в небольшую приемную.

– Через полчаса доктор Шект примет вас, – мягко проговорила она. – Сейчас он занят...

Она вышла, и Арбин остался один, словно запертый в четырех стенах. Была ли это ловушка? Попал ли он в руки Старейших?

Никогда еще в жизни Арбина ожидание не было столь долгим.

Его светлость Энус, Наместник Земли, встретился с доктором Шектом без особого расположения к беседе с ним, испытывая при этом заметное возбуждение. Для него, четвертый год пребывающего в качестве Наместника на Земле, посещение Чики все еще оставалось событием. Как представитель далекого Императора, официально он занимал положение, равное положению управляющего гигантскими, насчитывающими сотни кубических парсеков, секторами Галактики. В действительности же его жизнь немногим отличалась от ссылки.

Для человека, заключенного в стерильную пустоту Гималаев, окруженного населением, ненавидящим как его, так и Империю, которую он представлял, бегством становилось даже путешествие в Чику.

Однако и эти путешествия были краткосрочными, поскольку здесь, в Чике, он был вынужден постоянно, даже не снимая на ночь, носить пропитанную свинцом одежду, хуже того – постоянно принимать метаболин.

Он горько жаловался на это Шекту.

– Метаболин, – говорил он, разглядывая таблетку, которую держал в руках, – наверно, это настоящий символ всего, что ваша планета означает для меня. Он должен усиливать все обменные процессы, пока я сижу здесь, в этом радиоактивном облаке, которое вы даже не замечаете.

Доктор Шект слушал его с легкой усмешкой. Он производил впечатление близорукого, и не потому, что носил очки, просто у него давно выработалась привычка рассматривать вещи вблизи, взвешивать осторожно все факты, прежде чем сказать что-нибудь. Это был высокий пожилой мужчина, худощавый и несколько сутулый.

Широкая начитанность по вопросам галактической культуры делала его относительно свободным от той абсолютной враждебности и подозрительности, которую средний землянин испытывал даже к такому космополиту, как Энус.

– Я абсолютно уверен, вы не нуждаетесь в таблетках, – сказал Шект. – Метаболин – это один из ваших предрассудков, и вы прекрасно знаете это. Если бы вы не принимали его, то чувствовали бы себя ничуть не хуже.

– Но не будете же вы отрицать, что ваш метаболизм выше моего?

– Нет, конечно, ну и что из этого? Я знаю этот имперский предрассудок, что мы, земляне, отличны от других людей, но в сущности это не так. Уж не приходите ли вы сюда как посланник антиземлян?

– Я говорю серьезно, Шект. Какая еще планета со столь яростным мазохизмом держится за свои бессмысленные традиции? Не проходит и дня, чтобы ко мне не явилась делегация от какого-нибудь из ваших правителей с требованием смертной казни для несчастного, единственное преступление которого в том, что он побывал в запретной зоне, спрятался от Шести-десяти или просто съел больше, чем ему положено.

– Да, но вы всегда с готовностью подписываете эти приговоры. Ваше идеалистическое отвращение, как видно, имеет слабую сопротивляемость.

– Клянусь звездами, я пытаюсь бороться. Но что могу сделать я один? Император требует, чтобы все части Империи жили по своим местным законам. Это мудро и правильно, поскольку лишает поддержки глупцов, готовых восстать при первом подходящем случае.

Стоит мне только возразить, когда ваши Советы, Сенаты и Палаты требуют смерти, что за крики, что за дикий вой поднимается в ту же минуту, какие обвинения сыплются в адрес Империи! Лучше я двадцать лет проведу среди полчищ дьявола, чем на десять минут попаду на подобную Землю.

Вздыхнув, Шект почесал затылок:

– Для остальной части Галактики, если только там подозревают о нашем существовании, Земля – это галька в небе. Для нас же это – дом, единственный дом, который у нас есть. И все же мы ничем не отличаемся от вас, просто мы менее удачливы. Мы заключены здесь, на мертвой планете, отрезанные стеной радиации от окружающей нас огромной Галактики, которая от нас отказалась. Вот вы, Наместник, разрешили бы эмигрировать тем людям, которые захотели бы покинуть Землю?

Энус пожал плечами.

– От меня ли это зависит? Люди, живущие на других планетах, не желают стать жертвами земных болезней.

– Земных болезней! – Шект нахмурился. – Подобным представлениям пора положить конец. Мы вовсе не носители смерти. Разве вы умерли, побывав среди нас?

– Честно говоря, – улыбнулся Энус, – я делал все возможное, чтобы избежать лишних контактов.

– Все благодаря вашей пропаганде, основанной исключительно на глупости.

– Так вы, Шект, хотите сказать, что теория о том, что сами земляне радиоактивны, не имеет никакой научной основы?

– Да, конечно, как могут они быть не радиоактивными? Так же, как и вы. Так же, как и любой человек на каждой из сотен миллионов планет Империи. Мы радиоактивны чуть больше, но не настолько, чтобы причинить кому-либо вред.

– Однако жители Галактики верят в обратное. И кроме того...

– И кроме того, вы хотите сказать, что мы не такие, как все. Мы не люди, потому что из-за радиации подвержены мутациям и поэтому изменились во многих отношениях... Тоже не доказано.

– Но в это верят.

– И пока в это будут верить, пока нас, землян, будут считать париями, вы будете находить в нас все то, что вызывает ваше возмущение. Вы невыносимо давите на нас, и разве странно, что мы отвечаем вам тем же? Можете ли вы жаловаться на ненависть, которой мы лишь отвечаем на вашу ненависть? Нет, нет, мы больше защищаемся, чем нападаем.

Энус был огорчен тем, что его слова вызвали такой гнев.

«Даже лучшим из этих землян, – подумал он, – присуще все то же слепое чувство противопоставления Земли всей Вселенной».

– Извините мою бестактность, Шект, – мягко сказал он. – Пусть усталость будет мне оправданием. По существу, мы оба узники Земли. Дайте руку, и будем друзьями.

Шект улыбнулся.

– Слова извинения, произнесенные тоном дипломата Империи. Вы плохой актер, Наместник.

– Тогда будьте хорошим учителем и расскажите мне о вашем Синапсифере.

Шект вздохнул и нахмурился.

– Вы слышали о приборе? Значит, вы не только администратор, но и физик?

– Положение обязывает. Но, серьезно, я хотел бы узнать что-нибудь о вашем изобретении.

Глаза Шекта заблестели.

– Ну что же, говоря попросту, это прибор, предназначенный для улучшения способностей человека к обучению.

– Человека? В самом деле? И он действует?

– Хотел бы я знать. Необходимы дальнейшие работы. Я опишу вам проблему вкратце, и судите сами. Нервная система человека и животного состоит из нейропротеинового вещества, которое, в свою очередь, складывается из гигантских молекул, находящихся в состоянии очень шаткого электрического равновесия. Молекулу можно вывести из равновесия легчайшим толчком, это выведет из равновесия следующую, и так далее. Процесс будет повторяться, пока не достигнет мозга. Сам мозг представляет собой гигантскую комбинацию подобных молекул, всевозможными способами соединенных друг с другом. Поскольку в наличии имеется примерно десять в двадцатой степени молекул, то число возможных комбинаций исчисляется факториалом десяти в двадцатой степени. Это число столь велико, что если бы все электроны и протоны во Вселенной сами стали бы Вселенными и все электроны и протоны в этих вновь возникших Вселенных тоже бы стали Вселенными, то и тогда все электроны и протоны во всех получившихся Вселенных были бы ничем в сравнении с... Вы меня понимаете?

– Слава звездам, ни слова.

– Хм... Хорошо, короче говоря, то, что мы называем нервным импульсом, это просто возрастающий электронный дисбаланс, идущий от нервов к мозгу, а затем назад к нервам. Это вам ясно?

– Да.

– Ну что ж, восславим вашу гениальность. Пока импульс передается по нервам клеткам, он передвигается с большой скоростью, поскольку нейропротеины практически находятся в контакте друг с другом. Однако нервные клетки ограничены в размере и не имеют контакта друг с другом, так как разделены тонким слоем соединительной ткани.

– Ясно, – сказал Энус, – и нервный импульс должен преодолевать барьер.

– Вот именно! Эти слои ослабляют импульс и замедляют его передачу. То же самое справедливо и для мозга. А теперь вообразите, что удалось снизить диэлектрическую постоянную слоев, разделяющих клетки. Человек сможет быстрее думать и лучше воспринимать новое.

– Хорошо, а теперь я вернусь к своему первому вопросу. Прибор действует?

– Я проводил эксперименты на животных.

– И каковы результаты?

– Большинство вскоре умерло от разрушения протеинов мозга, иначе говоря, от их свертывания, словно у яйца, сваренного вкрутую.

Энус вздрогнул.

– Есть что-то невыразимо жестокое в хладнокровии науки. А тем, которые не умерли?

– Ничего определенного, ведь это не люди. Результаты обнадеживающие... Но мне нужны люди. Видите ли, это вопрос природных электронных качеств каждого мозга. Но у меня нет людей для экспериментов. Я приглашал добровольцев, но...

Он развел руками.

– А когда работы будут закончены, что вы собираетесь делать с прибором? – спросил Энус.

Физик пожал плечами.

– Не мне это решать. Вопрос будет рассмотрен на Высшем Совете.

– Вы не думали о том, чтобы сделать изобретение доступным для Империи?

– Я? Ничего не имею против. Но только Высший Совет имеет право...

– Ох, – с нетерпением проговорил Энус, – к черту ваш Высший Совет. Я уже имел с ним дело. Вы согласны говорить с ними, когда это потребуется?

– Но как я могу повлиять на них?

– Вы скажите, что если Земля изготовит безопасный для человека Синапсайфер и сделает его доступным для Галактики, то земляне получают возможность эмигрировать на другие планеты.

– В таком случае, – иронически проговорил Шект, – у вас возникнет опасность заражения нашими болезнями.

– Вы, земляне, – спокойно сказал Энус, – могли бы даже все вместе быть переселены на другую планету. Подумайте об этом.

В это время дверь открылась, и в кабинет вошла девушка, сразу наполнившая мрачную атмосферу кабинета дыханием весны.

– Заходи, Пола, – сказал Шект. – Ваша светлость, – обратился он к Энусу, – разрешите представить вам мою дочь. Пола, это его светлость господин Энус, Наместник Земли.

Наместник быстро встал и обратился к ней с непринужденной вежливостью, не дав ей закончить неуклюжую попытку сделать реверанс.

– Дорогая мисс Шект, – сказал он, – трудно поверить, что на Земле можно встретить столь прелестное существо. Вы явились бы украшением любого из существующих миров.

Он взял Полу за руку, поспешно и несколько смущенно протянутую в ответ на его жест. На мгновение он сделал движение, как будто собрался поцеловать ее, следуя галантному обы-

чаю предков, но намерение, если таковое и было, осуществлено не было. Полуподнятая рука была высвобождена, возможно, несколько поспешно.

– Я поражена вашей добротой к простой девушке с Земли, – сказала Пола, слегка нахмурившись. – Вы вежливы настолько, что не побоялись даже заразиться...

– Моя дочь, – вмешался Шект, – заканчивает обучение в университете Чики, а сейчас две недели работает у меня в лаборатории в качестве лаборанта. С гордостью могу сказать вам, что когда-нибудь она займет мое место.

– Отец, – мягко сказала Пола, – у меня важное известие для тебя.

В голосе ее послышалось колебание.

– Мне уйти? – спокойно спросил Энус.

– Нет-нет, – сказал Шект. – В чем дело, Пола?

– Есть доброволец, отец.

– На Синапсайфер? – пораженно спросил Шект.

– Так он говорит.

– Ну что ж, – сказал Энус, – как видно, я приношу вам удачу.

– Похоже, – Шект повернулся к дочери. – Отведи его в комнату «С», я сейчас приду.

Когда Пола вышла, он обратился к Энусу:

– Извините, Наместник...

– Конечно. Как долго продлится операция?

– Думаю, что несколько часов. Вы хотите присутствовать?

– Не могу представить себе ничего отвратительнее, дорогой Шект. Я останусь в посольстве до завтра. Вы сообщите мне результаты?

– Да, конечно. – Шект, казалось, был обрадован.

– Хорошо... И подумайте над тем, что я говорил о Синапсайфере.

Энус вернулся к себе еще более обеспокоенный, чем до визита к Шекту.

Глава 5

Доброволец поневоле

Оставшись один, доктор Шект мягко нажал кнопку вызова, и в кабинет быстро вошел молодой лаборант.

– Пола вам сказала...

– Да, доктор Шект. Я наблюдал за ним на экране. Он определенно не подослан.

– Должен я сообщить Совету, как вы думаете?

– Не знаю, что и посоветовать. Совет не одобряет обычную связь, так как существует возможность перехвата информации.

Он поспешно добавил:

– Может быть, он нам не подойдет? Ведь нам нужны добровольцы до тридцати лет. Он значительно старше.

– Мне нужно посмотреть на него, – сказал Шект.

До сих пор ему удавалось решать все возникающие вопросы вполне официально. Он сообщил достаточное количество информации, чтобы создалось впечатление откровенности, не более того. И вот теперь настоящий доброволец, и сразу же после визита Энуса. Была ли здесь связь? Шект имел неопределенное представление о гигантских скрытых силах, находящихся в противоборстве на изувеченном лице Земли. Однако он знал достаточно, чтобы чувствовать себя полностью в их руках. Но знал он значительно больше, чем подозревали Старейшие.

И все же, что он мог сделать, когда его жизни угрожала двойная опасность?

Через десять минут он был в комнате, где ожидал его доброволец. Мужчина, похожий на фермера, чувствовал себя неуверенно. Его руки беспокойно вздрагивали.

– Итак, сэр, – мягко сказал Шект, – я слышал, что вы не хотите назвать свое имя.

– Мне сказали, что, если вы получите добровольца, вопросы задаваться не будут, – твердым голосом проговорил Арбин.

– Хм... Хорошо, но что-нибудь вы хотите сказать? Или вы хотите начать эксперимент немедленно?

– Я? Здесь? Сейчас? – В голосе фермера послышался испуг. – Доброволец – вовсе не я.

– Нет? Вы хотите сказать, что доброволец кто-то другой?

– Вот именно. Я хотел бы...

– Понимаю. Он с вами?

– Можно сказать, да, – осторожно ответил Арбин.

– Хорошо. Теперь говорите ваши условия. Все, что вы скажете, останется между нами.

Договорились?

Фермер кивнул.

– Благодарю вас. Я согласен, сэр. У нас есть человек на ферме, дальний... родственник.

Он помогает, понимаете...

Арбин запнулся, и Шект серьезно кивнул.

– Он очень хороший работник, очень хороший, но, понимаете, у него не совсем в порядке голова. Он не болен, ничего, из-за чего его следовало бы убрать. Он просто медленно соображает и не разговаривает.

– Он не умеет разговаривать? – Шект, казалось, был поражен.

– Ох нет, умеет. Просто не любит и говорит плохо.

Физик с сомнением посмотрел на него.

– И вы хотите с помощью Синапсифера улучшить его умственные способности?

Арбин медленно кивнул.

– Он может погибнуть. Вы это понимаете? Мне нужно его согласие.

Фермер покачал головой медленно и упрямо.

– Он не поймет.

Затем настойчиво, почти задыхаясь, добавил:

– Поймите меня, сэр. Этот человек стареет. Это не вопрос Шестидесяти, но что, если на следующей Проверке они решат, что он полоумный, и заберут его? Мы не хотели бы его потерять, и поэтому я привел его сюда.

– Я понимаю. Ведите сюда вашего родственника.

Он дружески похлопал фермера по плечу. Арбин судорожно улыбнулся, чувствуя невыразимое облегчение.

Шект взглянул на тучного человека, лежащего на кушетке. Мужчина спал и дышал при этом ровно и глубоко. Шект нагнулся к нему и не нашел в его лице никаких признаков слабости.

Старик! Хм...

Он искоса взглянул на Арбина, который внимательно следил за происходящим.

– Вы не будете возражать против анализа кости?

– Нет, – крикнул Арбин и затем более спокойно добавил: – Я не хочу ничего, что могло бы послужить идентификации.

– Это может оказать нам помощь, если мы будем знать его возраст, – сказал Шект.

– Ему пятьдесят, – отрезал Арбин.

Физик пожал плечами и вновь посмотрел на спящего. Когда его привели, он был, или по крайней мере казался, одиноким и потерянным. Даже гипнотические таблетки, по-видимому, не вызвали у него никаких подозрений, быстрая судорожная улыбка – и он проглотил их.

Лаборант возился уже с последней из нескольких неуклюжих установок, которые вместе составляли Синапсайфер. Нажатие кнопки, и молекулы в поляризованных окнах операционной поменяли свое расположение, сделав их непрозрачными. И теперь лишь искусственный свет озарял своим холодным сиянием пациента, удерживаемого мощным диамагнетическим полем в нескольких дюймах над операционным столом.

Здесь же в темноте сидел Арбин, ничего не понимающий, но тем не менее решительно настроенный самим фактом своего присутствия предотвратить возможные грязные трюки, на которые, по его разумению, способны такого рода ученые.

Физики не обращали на него внимания, занятые подгонкой электродов к голове. Это была долгая и трудная работа, требующая большой точности. Шект болезненно улыбнулся. Конечно, морщины на человеческом лице не всегда давали точное представление о возрасте, но в данном случае их было достаточно. Этот человек был старше пятидесяти.

И тут улыбка исчезла с его лица. Он нахмурился. С морщинами что-то было не так. Они выглядели странно, не совсем...

На мгновение он был готов поклясться, что его череп имеет примитивную форму, словно анахронизм, но...

В конце концов, этот человек психически ненормален, так почему бы и нет? И тут он неожиданно, пораженный, воскликнул:

– Как я не заметил? У этого человека на лице растут волосы!

Он повернулся к Арбину.

– У него всегда была борода?

– Борода?

– Волосы на лице! Идите сюда! Видите?

– Да, сэр. – Арбин лихорадочно соображал. Утром он заметил это, но потом забыл. – Это у него от рождения, – сказал он и добавил: – По-моему.

– Ладно, удалим это. Вы же не хотите, чтобы он выглядел как дикое животное, не так ли?

– Нет, сэр.

– У него волосы и на груди, – сказал лаборант, удалявший волосы с лица.

– Великая Галактика, – сказал Шект, – дайте мне взглянуть! Да это же настоящий ковер! Ладно, оставьте это. В рубашке этого не видно, да и пора заняться электродами. Присоединяйте здесь, здесь и здесь.

Дюжина микроэлектродов, которые должны были уловить тончайшее эхо микротоков, передаваемых от одной клетки мозга к другой, были введены в кожу.

Дольше всего заняла настройка Синапсайфера. Записывались показания приборов, вновь и вновь проверялись инструменты, и опять продолжалась настройка.

Наконец Шект улыбнулся Арбину и сказал:

– Скоро все кончится.

Масса аппаратуры нависла над спящим, как медлительное и прожорливое чудовище. Четыре длинных провода тянулись к рукам и ногам пациента, серая прокладка из чего-то, напоминающего резину, была аккуратно подложена под шею и зажимами крепко закреплена на плечах. Наконец два электрода были закреплены на висках.

Шект не сводил глаз с хронометра, его правая рука лежала на выключателе. Большой палец руки сдвинулся, ничего заметного не произошло. Прошли, казалось, часы, в действительности же всего около трех минут, и палец двинулся вновь.

Помощник Шекта склонился над все еще спящим Шварцем и радостно произнес:

– Он жив.

Прошло еще несколько часов, в течение которых было произведено множество измерений. В комнате царил атмосфера почти дикого восторга. Была уже почти полночь, когда глаза добровольца открылись.

Шект отошел измученный, но счастливый.

– С ним все в порядке, – сказал он, коснувшись ладонью лба пациента. – Несколько дней ему придется побыть здесь, – твердо проговорил он, повернувшись к Арбину.

В глазах Арбина немедленно появилось беспокойство.

– Но... но...

– Можете положиться на меня, он будет в безопасности. Кроме того, он может умереть, если вы заберете его сейчас. Что вам это даст?.. А если он умрет, вам придется объяснять Старейшим, откуда взялся труп.

Последние слова сделали свое дело.

– Но как я буду знать, когда прийти за ним? Я не хочу называть его имени, – проговорил Арбин.

Это было согласие.

– Приходите через неделю, – сказал Шект, – я буду ждать вас. Вы должны верить мне и ничего не бояться.

Было уже далеко за полночь, когда Шект наконец подумал об отдыхе, и то лишь благодаря настойчивости Полы. Но уснуть он не мог. Встав с кровати, он сел у окна, глядя на город, погруженный во тьму ночи. На горизонте, по другую сторону озера, светилось голубое сияние смерти, царившее почти над всей Землей.

События изнурительного дня в бешеном темпе промелькнули в его сознании. После того как напуганный фермер ушел, первым делом Шект связался с посольством. Энус, должно быть, ждал его, потому что ответил сам.

– А, Шект, добрый вечер. Ваш эксперимент окончен?

– И почти то же самое с моим добровольцем. Бедняга.

– Значит, я был прав, когда решил не оставаться. По-моему, вы, ученые, тоже способны на убийство.

– Он еще жив, Наместник, и, может, нам удастся спасти его, но... – он пожал плечами.

– Да, крысы в этом деле предпочтительнее, Шект... Однако где вы могли привыкнуть ко всему этому?

– Старею, ваша светлость, – просто ответил Шект.

– Опасное занятие у вас, – послышался сухой ответ. – Идите спать, Шект.

И вот Шект сидит здесь, глядя на темный город умирающего мира.

Два года шли испытания Синапсайфера, и два года он был рабом Совета Старейших, или Братства, как они себя называли.

Он написал несколько статей, которые можно было бы опубликовать в Сирианском Журнале Нейрофизиологии и которые могли принести ему столь желанную известность во всей Галактике. Статьи лежали у него в столе. Но они не были опубликованы.

Вместо этого появилась туманная и специально искаженная статья в «Физическом Обозрении». Такова была воля Братства.

И все же Энус был заинтересован. Почему?

Имело ли это связь с другими секретами, о которых он узнал? Подозревала ли Империя то же, что и он?

За двести лет Земля восставала три раза. Под знаменем провозглашаемого древнего величия Земля выступала против гарнизонов Империи, и Галактический Совет не был особенно обрадован тем безвыходным положением, в которое попала Земля, кровью вычеркивая себя из списка населенных планет.

Однако на этот раз все могло быть иначе...

Но действительно ли это так? Насколько он может доверять словам умирающего сумасшедшего, словам, которые на три четверти не имели смысла?

Какая разница? В любом случае он не посмел бы ничего предпринять. Только ждать, хотя он стареет и скоро ему шестьдесят.

Но даже на этом ничтожном, обугленном шарике, Земле, он хотел жить.

Он снова лег и, уже засыпая, подумал о том, не мог ли его разговор с Энусом быть перехвачен Старейшими? Он еще не знал, что Старейшие имели другие источники информации.

Рано утром один из помощников Шекта, молодой лаборант, обдумывал случившееся.

Он восхищался Шектом, однако прекрасно знал, что секретный эксперимент на неизвестном властям добровольце был нарушением приказа Братства, которому был придан статус Закона, что делало неподчинение серьезным проступком.

Кем был этот доброволец? Кто же прислал этого человека? Совет Старейших, втайне от всех, с целью проверить преданность Шекта? А может, Шект – предатель? Вчера днем он говорил с кем-то наедине, с кем-то в нелепой одежде, которую носят чужаки, опасаясь радиоактивного заражения.

В любом случае Шект обречен на гибель, но почему и он должен следовать за ним? Он, такой еще молодой, с почти четырьмя десятилетиями жизни впереди.

Кроме того, это означало бы продвижение... А Шект так стар, что в любом случае доживет лишь до следующей Проверки, так что для него в этом будет не много вреда. Практически никакого.

Лаборант решил. Он на коммутаторе набрал комбинацию из цифр и связался с премьер-министром, который, после Императора и Наместника, был властен над жизнью и смертью любого человека на Земле.

Наступил вечер следующего дня. Туманные впечатления в голове Шварца стали проясняться. Он вспомнил поездку, низкие беспорядочно стоявшие на берегу озера строения, долгое ожидание.

И потом – что? Что? Ах да, они пришли за ним. Потом была комната с инструментами и приборами, две таблетки... Они дали ему таблетки, и он с готовностью их проглотил. Что он терял?

А потом – пустота.

Стоп. Проблески сознания были... Люди, склонившиеся над ним... Девушка, приносившая ему еду...

Проходили дни, и Шварц начал ориентироваться. Мужчину, который приходил к нему, звали доктор Шект. Девушка была его дочь, Пола. Шварц обнаружил, что он больше не нуждался в бритве. Волосы на лице не росли. Это напугало его. А росли ли они когда-нибудь?

Силы быстро возвращались к нему. Ему разрешили одеваться и ходить.

Страдал ли он амнезией? Была ли это причина, по которой они подвергли его операции? Был ли этот мир естествен и нормален, в то время как все, что он помнил, было фантазией его больного рассудка?

Ему не разрешалось выходить из комнаты даже в коридор. Означало ли это, что он узник? Может быть, он совершил преступление?

Никто не потерял так, как человек, заблудившийся в запутанных коридорах собственного одинокого ума. Никто не беспомощен так, как человек, лишенный памяти!

Пола обучала его новому для него языку. Это ее развлекало. Шварц не был особенно удивлен той легкостью, с которой улавливал и запоминал слова. Он помнил, что в прошлом у него была хорошая память. За два дня он научился понимать отдельные фразы. Через три начал говорить.

На третий день, однако, ему пришлось удивиться. Шект научил его цифрам и решал с ним задачи. Шварц должен был давать ответы, а Шект про себя отмечал, сколько времени у него на это уходит. Затем Шект объяснил ему значение термина «логарифм» и спросил, чему будет равен логарифм двух.

Шварц осторожно подбирал слова. Когда слов не хватало, он дополнял ответ жестами:

– Я – не – сказать. Ответ – не – число.

Шект возбужденно кивнул головой и проговорил:

– Не число. Не это, не то, часть этого, часть того.

Шварц прекрасно понял, что Шект своими словами подтверждает, что ответ – не целое число, а дробь, и поэтому сказал:

– Ноль целых, три, ноль, один, ноль, три – и дальше – цифры.

– Достаточно!

Пришло время удивиться и Шварцу. Как он узнал ответ? Шварц был уверен, что никогда прежде не слышал о логарифмах, и все же у него в голове сразу же появился ответ. Он не имел ни малейшего представления о процессе его вычисления. Он чувствовал, что его ум начал представлять собой нечто самостоятельное.

А может, он был математиком до того, как его поразила амнезия?

Жить в неизвестности ему было трудно. В Шварце нарастало желание вырваться на волю; где-то там должны быть ответы на все вопросы, которые ему никогда не узнать, если он будет заточен в этой комнате, где он чувствовал себя подопытным кроликом.

Такая возможность представилась на шестой день. Шварцу начали доверять. Утром его посетил Шект, затем он ушел.

Шварц подождал, пока не убедился, что Шект не вернется, после чего медленно закрыл рукой небольшую светящуюся точку на двери; так делали люди, обслуживающие его. Дверь плавно и беззвучно отошла в сторону... Коридор был пуст.

Так Шварц сбежал.

Мог ли он знать, что все шесть дней его пребывания здесь агенты Совета Старейших следили за институтом, его комнатой и им самим?

Глава 6

Ночные страхи

Ночью дворец Наместника выглядел не менее сказочно, чем днем. Гирлянды вьющихся вечерних цветов (завезенных на Землю) раскрыли белые бутоны, наполняя весь дворец тонким ароматом. В поляризованном свете луны искусственные самоцветы, умело впаянные в орнамент на стенах здания, давали легкое фиолетовое мерцание на фоне металлического блеска.

Энус смотрел на звезды и любовался ими как частью того мира, к которому он принадлежал. Над Землей было обычное небо, которое не имело той непередаваемой красоты небес центральных миров, где звезды были так густы, что темнота ночи почти отсутствовала в их сиянии. Не было у него и своеобразного великолепия пограничных миров, где непроницаемая темнота лишь изредка освещалась тусклым светом одинокой планеты и где одинокие звезды были неотличимы от алмазной пыли Млечного Пути.

На небосклоне Земли сразу были видны две тысячи звезд. Среди них – Сириус, вокруг которого вращалась одна из десяти наиболее населенных планет Империи, Арктур – столица сектора, в котором родился Энус. Свет Трантора, столицы Империи, тоже затерялся где-то в Млечном Пути.

Энус почувствовал прикосновение к плечу нежной руки и накрыл ее своей.

– Флора! – прошептал он.

– Все устроится, – слышался голос жены. – Уже почти утро, а ты так и не ложишься спать после возвращения из Чики. Может, ты позавтракаешь? Мне заказать еду сюда?

– Почему бы и нет?

– Что тебя беспокоит? – мягко спросила она.

– Не знаю, – проговорил Энус, покачав головой. – Я устал от накопившихся проблем... Этот Шект и его Синапсайфер, и этот археолог Авардан с его теориями. И многое другое. Эти земляне! – сквозь зубы продолжал Энус. – Многое указывает на то, что они вновь готовят восстание.

Он посмотрел на жену.

– Ты знаешь, что доктрина Совета Старейших состоит в том, что некогда Земля была единственным домом человечества?

– Но ведь именно об этом говорил Авардан, не так ли?

– Да, именно так, – мрачно произнес Энус, – но он говорил только о прошлом. Совет Старейших говорит и о будущем. Земля, утверждают они, вновь станет столицей расы. Они провозглашают даже приближение мифического второго царствия Земли, предупреждают, что Империя погибнет, а Земля приобретет свое первозданное величие. Трижды подобная чушь вызвала восстания, которые заканчивались массой разрушений на Земле, но это не поколебало их веру.

– Они всего лишь несчастные существа, эти земляне, – сказала Флора. – Что у них есть, кроме веры? Они лишены абсолютно всего: нормального мира, нормальной жизни. Они лишены даже достоинства, которое равняло бы их с другими людьми Галактики. Поэтому они живут в мечтах. Можно ли осуждать их за это?

– Да, можно, – возбужденно воскликнул Энус. – Пусть оставят свои мечты и борются за признание. Они не отрицают своего отличия. Они просто хотят заменить «хуже» на «лучше», и трудно ожидать, что остальная Галактика согласится с ними. Пусть забудут свою помешанность, свои устаревшие и унижительные «законы». Пусть будут людьми, и на них будут смотреть как на людей... Но не будем об этом. Что, например, происходит с Синапсайфером? Здесь есть кое-что, что не дает мне уснуть. – Энус нахмурился.

– Синапсайфер?.. Это не тот прибор, о котором за обедом говорил доктор Авардан? Ты ведь из-за него ездил в Чику?

Энус кивнул.

– И что ты там узнал?

– Собственно говоря, ничего. Я знаю Шекта. И знаю неплохо. Я уверен, что этот человек умирал от страха все время, пока я с ним говорил. Здесь какая-то грустная тайна, Флора.

– Но машина работает?

– Разве я нейрофизиолог? Шект говорил, что нет. Доброволец, который был подвергнут обработке, как он утверждает, почти мертв. Но я этому не верю. Я чувствовал его возбуждение. Более того. Он торжествовал! Его доброволец жив, и эксперимент завершился благополучно, или я в жизни не видел счастливого человека?! Тогда почему он лгал мне? Ты представляешь, что такое Синапсайфер в действии? Ты понимаешь, что Шект может создать расу гениев?

– Но зачем тогда держать это в секрете?

– Ах! Зачем? Тебе это не ясно. Восстания землян потерпели неудачу? Так увеличьте уровень интеллекта среднего землянина. Удвойте его. Утройте.

– Ох, Энус.

– Мы можем оказаться в положении обезьян, атакованных людьми.

– Ты сгущаешь краски. Бюро внешних провинций всегда может выслать нескольких психологов для выборочной проверки уровня интеллекта землян. Любое отклонение будет обнаружено.

– Да, конечно... Но возможно и что-нибудь другое. Я не уверен ни в чем, кроме того, что восстание готовится.

– Ну а мы готовы к нему?

– Готовы? – Энус с горечью рассмеялся. – Я – да. Гарнизон в готовности. Все, что можно было сделать имеющимися средствами, я сделал. Но, Флора, я не хочу восстания. Я не хочу, чтобы мое наместничество вошло в историю как наместничество восстания. Я не хочу, чтобы мое имя связывали с насилием и смертью. Меня наградили бы за это, но в историю я вошел бы как кровавый тиран. Я предпочел бы известность человека, который предотвратил восстание и спас бесценные жизни двадцати миллионов дураков, – довольно безнадежно закончил он.

– И ты можешь это сделать?

– Как я могу? Все против меня. Само бюро поддерживает этих фанатиков, присылая сюда Авардана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.